

misterium

misterium

**РУТ
РЕНДЕЛЛ
ОЗЕРО ТЪМЫ**

Москва
2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Р39

Ruth Rendell
THE LAKE OF DARKNESS
Copyright © 1994 by Ruth Rendell

Иллюстрация на переплете *Анатолия Дубовика*

Ренделл, Рут.
Р39   Озеро тьмы / Рут Ренделл ; [пер. с англ. Ю. Я. Гольдберга]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 256 с. — (Millennium. Английский детектив).

ISBN 978-5-699-82900-2

Молодой бухгалтер Мартин Урбан выиграл крупную сумму денег на футбольном тотализаторе. Будучи романтической натурой, половину этих денег он решил истратить на благотворительность — помочь некоторым людям, остро нуждающимся в жилье. Но есть один человек, знающий о выигрыше Мартина, при этом обойденный его вниманием. Он считает, что это несправедливо, и в его сердце загорается жажда мести, а в голове созревает хитроумный план — как урвать себе значительную часть выигранных Урбаном денег и одновременно заставить Мартина страдать...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-82900-2

© Гольдберг Ю.Я.,
перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Нерон промышляет рыбачеством
у озера тьмы...¹

У. Шекспир «Король Лир»

---

¹ Пер. Б. Пастернака.

Глава 1

Скорпион — это метафизика, разложение и смерть, возрождение, страсть, похоть и насилие, предвидение и глубина ума, утрата, оккультизм, астрология, кредиты и займы, а также прочие... качества. Скорпион покровительствует магам, астрологам, алхимикам, хирургам, рабам и гробовщикам. Камень Скорпиона — змеевик, растение — кактус, животные — волки и скорпионы, часть тела — гениталии, оружие — неизбежная боль, а карта Таро — Смерть.

День рождения у Финна был 16 ноября, как у императора Тиберия. Гадалка, подруга его матери, с которой та познакомилась в психиатрической лечебнице, предсказала ему, что он проживет очень долго и умрет насильственной смертью.

Утром его дня рождения, двадцать шестого по счету, пришел один из детей Кайафаса и принес пакет с деньгами. Мальчишка постучал в дверь Финна. Должно быть, внизу кто-то впустил его в дом. Они не знали, что у него день рождения, понял Финн. Это было просто совпадение. Он развязал пакет и убедился, что там находится то, что должно находиться, — две с половиной тысячи фунтов стерлингов десятифунтовыми купюрами. Теперь, когда деньги пришли, лучше приняться за дела, которые все равно никуда не делись.

Подниматься к Лене было еще рано. По утрам она любила спать подольше. Нельзя сказать, что Лена возражала бы, разбуди ее Финн в свой день рождения, — ей понравилось бы, и она даже ждала этого. В отличие от него. Он убрал деньги подальше и сошел вниз.

Финн был очень высоким, худым и бледным. Почти альбиносом — если бы не водянисто-серый ободок вокруг зрачков. Просто удивительно, как такие блеклые глаза могут быть столь пронизывающими и яркими, как начищенное серебро. В детстве волосы у него были светлыми, почти белыми, но теперь приобрели неопределенный серовато-бежевый оттенок картона. Лицо же, в отличие от глаз, совершенно обыкновенное и незапоминающееся. Под удлиненной нейлоновой курткой на нем были синие джинсы, клетчатая полушерстяная рубашка фирмы «Вайелла», черный бархатный жилет, а на шее шарф, из тех, что носят греческие женщины, черный треугольник с вышитыми по одному краю маленькими золотыми монетами. В руках он держал синий металлический чемоданчик с инструментами. У Финна была небольшая голова на тонкой, казавшейся хрупкой шее, узкие запястья и лодыжки и бледные, почти неестественно широкие ладони.

Его машина, ничем не примечательный бледно-серый фургон, стояла перед домом на Лорд-Артур-роуд. Этот район называют по-разному — Кентиш-Таун, Тафнелл-Парк или Лоуэр-Холлоуэй. Здесь можно увидеть несколько любопытных зданий: мини-готика с остроконечными крышами, красный викторианский кирпич, громадные серые «сараи» с избытком эркеров, сделанных ради красоты или удобства, а также маленькие узкие дома с плоскими фасадами, очень старые и покрытые облезлой бледно-зеленой штукатуркой. Архитектура Финна не интересовала — в пещере или

хижине ему было бы не менее комфортно, чем в своей комнате. Он открыл фургон, сел за руль и поехал мимо станции метро «Таффнелл-Парк», потом поднялся на Дартмут-Парк-Хилл к южной части Хэмпстед-Хит¹.

Часы показывали четверть десятого. Он проехал под мостом у станции метро «Госпел-Оук», потом по Савернейк-роуд, которая огибала Парламент-Хилл-филдс, а на углу Модена-роуд остановил фургон. Отсюда можно было держать под наблюдением дом, в котором жили Кайафасы. Финн сидел за рулем, глядя на трехэтажный кирпичный дом цвета сливы.

Первыми вышли Фрэзеры. Вдвоем, под ручку. За ними, пять минут спустя, — миссис Ионидес. Финна они не интересовали. Он хотел увидеть Энн Блейк, которая довольно часто брала выходной и сказала ему, что «работает дома».

Как бы то ни было, ровно в половине десятого она вышла из дома и направилась туда же, куда и остальные, к станции метро. У Финна, которого нанимали для разного рода мелких работ и которому доверяли, был ключ от дома на Модена-роуд, которым он и воспользовался, чтобы войти внутрь. Для доверенного лица или наемного работника хозяина это было абсолютно законно — в отличие от того, что он собирался сделать.

Сестра Кайафаса занимала квартиру на первом этаже, а рядом была квартира Фрэзеров. Они взяли две тысячи фунтов стерлингов от Кайафаса и согласились съехать в конце месяца. Миссис Ионидес сделает все, что пожелает Кайафас, а теперь ей было сказано, что она должна вернуться в Никосию, чтобы ухаживать за его престарелым отцом. Дом, «свободный и готовый для въезда», продадут за шестьдесят, а может, и за

¹ Лесопарк на северной возвышенной окраине Лондона.

семьдесят тысяч фунтов. Кайафас спрашивал об этом у агентов по торговле недвижимостью и видел, как взлетают вверх цены на такие дома. В августе точно такой же дом по соседству ушел за шестьдесят. Агент улыбнулся, покачал головой и сказал, что это было «свободное помещение, готовое для въезда», не так ли? Кайафас рассказывал об этом Финну — вот откуда он знал.

Финн вошел в прихожую миссис Ионидес, а затем в гостиную, где днем или двумя днями раньше оборвался один из шнурков подъемного окна. Он закрепил новый шнур, а затем поднялся на второй этаж, чтобы посмотреть, что можно сделать с карнизом эркера, который, как утверждала миссис Фрэзер, пропускал воду. С карнизом он провозился до ланча.

Финн принес ланч с собой, в глиняном горшочке. Черный чай, гамбургеры, чипсы, яйца и фасоль из банок, предлагавшиеся в кафе для рабочих, — это не для него. В горшочке были крупно порезанные фрукты с отрубями и йогуртом. Финн съел ломоть черного хлеба и запил ананасовым соком из банки емкостью полпинты¹. Ананас был его любимым фруктом, а запах ананаса — любимым запахом.

После ланча Финн уселся на ковре в позе лотоса и приступил к ежедневному сеансу медитации. Сегодня он почувствовал, что взлетает над полом, пока не оказался почти у самого потолка, откуда мог через верхнюю часть окна Фрэзеров смотреть на ярко-зеленый откос Хэмпстед-Хит, поднимающийся к холодному, бледному и какому-то взъерошенному небу.

Медитация всегда придавала ему сил. Он наслаждался, чувствуя, как энергия струится по рукам и, словно электричество, пощипывает кончики пальцев. Наверное,

---

¹ Около 300 мл.

его аура была очень сильной и яркой, однако в отличие от Лены и миссис Гогарти он не мог видеть ауры, так что смотреть в зеркало не было смысла. Потом Финн взял свой чемоданчик с инструментами и поднялся по последнему лестничному пролету. В отличие от Фрэзеров и миссис Ионидес Энн Блейк в тот день не давала разрешения входить в ее квартиру ни Кайафасам, ни их доверенному лицу или работнику, но Кайафас настоял, чтобы ключ у него был. Финн отпер входную дверь Энн Блейк, вошел и закрыл за собою дверь. Стены прихожей были оклеены обоями фирмы «Уильям Моррис» с узором из цветков калужницы и апоногетонов¹ на синем фоне, а на полу лежал голубой ковер. Энн Блейк поселилась здесь еще до того, как дом купили Кайафасы, лет десять или двенадцать назад, и она не согласилась бы съехать и за большие отступные, чем те, что Кайафас давал Фрэзерам. Энн Блейк сказала Кайафасу, что не уедет отсюда и за двадцать тысяч, а заставить он ее не может. Закон на ее стороне. Квартиру он получит только через ее труп, заявила она.

Финн слабо улыбнулся в полумраке прихожей.

Он открыл стенной шкаф между дверьми в ванную и в гостиную и взял две легкие алюминиевые стремянки. Они были почти невесомыми, так что даже ребенок мог поднять их одной рукой. Финн отнес стремянку в ванную комнату.

Помещение было маленьким, не больше, чем шесть на восемь футов², а над краем ванны в потолке располагался люк на чердак. В свое время этот люк Финн собирался открыть с другой стороны. Он установил стремянку и прошел в спальню. На полу лежал такой же, как в прихожей, голубой ковер, а стены были выкрашены в серебристо-се-

¹ Водное растение с побегами, плавающими на поверхности или в толще воды.

² Примерно $2 \times 2,5$ м.

рый цвет. В доме на Модена-роуд центральное отопление отсутствовало, и у каждого жильца имелся свой набор газовых и электрических нагревательных приборов. У Энн Блейк был настенный электрический обогреватель на кухне, газовый камин в гостиной и портативный электрический камин в спальне; ванная никак не обогревалась. Финн воткнул в розетку шнур электрического камина и включил прибор, а когда увидел, что два параллельных стержня начинают светиться, выключил камина и выдернул вилку из розетки.

Потом он вскарабкался на алюминиевую стремянку и, держа фонарик в левой руке, толкнул вверх люк. На чердаке был водяной бак и довольно много старых вещей, которыми перестали пользоваться, но которые еще нельзя было назвать хламом. Финн уже поднимался сюда — один раз, когда замерзла труба, и другой раз, чтобы залезть на крышу, — и прекрасно представлял, что здесь найдет. Он отличался наблюдательностью и хорошей памятью. Финн осторожно ступал по балкам, освещая фонариком перевязанные бечевкой стопки журналов «Нэшнл джиографик», ряды стеклянных банок, старинную пишущую машинку «Ремингтон», рулоны обрезков коврового покрытия, утюг и треножник, сколотые обеденные тарелки с рисунком в виде ивы, пока не нашел то, что искал. Электрический звонок.

Вилка на проводе отсутствовала. Сам звонок был пыльным, а катушку покрывал слой черной грязи или смазки. Финн спустился по алюминиевой лестнице в спальню и присоединил к шнуру 13-амперную вилку. Однако при включении звонка в розетку ничего не произошло. Не беда. Для Финна что-нибудь починить — детская игра.

Пришла пора проверить Энн Блейк. Ему не хотелось, чтобы хозяйка вернулась, например, из-за простуды или

потому, что начальник решил с обеда уйти домой. Она проявила беспечность, сказав Финну, где работает, когда он приходилчинить трубу, а также то, что принимает ванну, как только возвращается домой. Информацию такого рода Финн никогда не забывал. Он нашел номер в телефонной книге и позвонил. Когда он попросил пригласить Энн Блейк к телефону, его куда-то переключили, потом предложили подождать, а когда наконец послышался ее голос, Финн положил трубку на рычаг.

По стене кухни от холодильника к чердаку проходила старая, давно не использовавшаяся газовая труба. Именно она и была нужна Финну. Он вырезал из нее кусок, дюймах в шести от пола. Потом вернулся на чердак, на этот раз со 100-ваттной электрической лампочкой на длинном проводе. Довольно быстро он нашел другой конец газовой трубы и отрезал заваренный конец. Работая, Финн размышлял о трусости человеческих существ, об их страхах, об их осторожности.

Он обладал чем-то вроде чувства юмора — хотя оно не имело ничего общего с умением видеть иронию или несоответствия — и всегда удивлялся, почему Кайафас во всех их делах никогда прямо не говорил, что ему нужно. Финн должен был догадаться сам.

— Финн, — сказал Кайафас, — я тут... всю голову сломал. Я говорю ей: «Мадам, даю вам пять тысяч фунтов, пять тысяч фунтов, мадам, чтобы вы выехали из моего дома. Пожалуйста, — говорю я, — умоляю вас на коленях». И что она отвечает? Очень жаль, что я вообще приехал с Кипра.

— Ну-ну, — сказал Финн. Это была его любимая фраза.

На лице Кайафаса появилось выражение неописуемой хитрости и жадности. Финн уже догадался, на что тот намекает. Он уже оказывал Кайафасу и другим услуги

определенного рода, входящие в обязанности профессионального наемного убийцы, хотя не такого масштаба.

— И тогда я подумал, — продолжил Кайафас, — что больше не делаю вам предложения, мадам, я не даю вам пять тысяч фунтов. Я даю их моему другу Финну.

Этим дело и ограничилось. В любом случае Финн был не тем человеком, которому изливают душу. Он просто кивнул и сказал: «Ну-ну», — и Кайафас принес ему еще одну банку ананасового сока и протянул ключ от квартиры на верхнем этаже. А теперь поступила первая часть его гонорара...

Он просунул гибкий электрический провод в газовую трубу на чердаке, так чтобы разлохмаченные концы торчали из отрезанной части за холодильником, но заметить их мог только внимательный наблюдатель. Другой конец провода тянулся к люку, и в запасе оставалась еще пара ярдов¹ шнура. Финн был более или менее доволен. Когда-то он мог бы все провернуть без этой заморочки с проводами, газовой трубой и люком, не прилагая столько усилий. Финн задумался, вспоминая юность, от которой его отделяло уже не меньше дюжины лет — тогда одного его присутствия в доме было достаточно, чтобы начинался безумный *полтергейст*. Он вспоминал об этом с такой тоской, как другие вспоминают первую любовь, — влетающие в окно кирпичи, падающие со стен картины и громадный камень из сада, который никто не мог поднять, внезапно появляющийся на середине ковра в гостиной Куини. Сила покинула его после утраты невинности, а может, после гашиша, которым его угостил кто-то из школьных приятелей. Теперь Финн не курил даже табак и не употреблял спиртного. В этом нет смысла, если хочешь достичь совершенства, обрести силу, стать мастером.

---

¹ Около 2 м.

Он проверил, что за холодильником имеется свободная розетка. В ванну упало немного черной грязи — похоже, непременного атрибута всех чердаков. Финн вытирали ее тряпками, которые принес с собой, пока розовая эмаль не стала выглядеть точно так же, как до его прихода. Потом убрал алюминиевые стремянки в стенной шкаф и положил электрический звонок в полиэтиленовый пакет с ручками. Работа заняла целый день, но Кайафас щедро платил за каждую потраченную минуту.

В любой момент могли вернуться Фрэзеры. Это не страшно — при условии, что Финн успеет покинуть квартиру Энн Блейк. Выйдя из дома, он запер за собой входную дверь. Уже стемнело, но фары Финн не включал. Один из навыков, которые он в себе развивал, — умение видеть в темноте.

Для такого теплого вечера воздух был на удивление чистым, а желтые и белые фонари сверкали, затмевая бледную матовую луну. Включив зажигание фургона, Финн увидел, как миссис Ионидес, смуглая, приземистая, всегда одетая в черное, переходит улицу и открывает ворота перед домом, который он только что покинул. Он поехал по Дартмут-Парк-Хилл, терпеливо держась в потоке машин, который замедлялся перед светофором у станции метро.

Дом, где жил Финн, был купеческим особняком, которому не повезло с жильцами почти с самого начала; с тех пор прошло уже много лет. Финн поднялся к себе по широкой лестнице, со стороны Модена-роуд. Из-за дверей доносились музыка и голоса, тянуло запахами еды, а также марихуаны, которую курили из маленькой каолиновой¹ трубки. Он миновал дверь своей комнаты и поднялся еще выше. На самом верху один раз постучал в первую дверь и, не дожидаясь ответа, вошел.

---

¹ Каолин — белая глина.